

Makarova E. L. The Image of Listener in “The Orphan’s Tales” by Cathrynne M. Valente

The image of Listener in “The Orphan’s Tales” by Cathrynne M. Valente is investigated in this article. The three main characters from the frame story are under consideration. Narrating seems to be a process transforming into composing. Listener / Reader becomes the most active narrator / composer thus revealing his ability to make his or her own decisions, to take on the personal responsibility for his or her destiny.

Keywords: Cathrynne M. Valente, “The Orphan’s Tales”, listener, narrator.

Е. С. Давлетханова

(научн. руководитель О. Н. Турышева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Код Достоевского в романе Донны Тартт «Щегол»

Аннотация: в статье описывается система отсылок к роману Ф. М. Достоевского «Идиот», фигурирующая в нарративе романа американской писательницы Донны Тартт «Щегол». Среди них – изображение русских персонажей, аллюзии на творчество Достоевского и трактовка его романа «Идиот», предпринятая героями. Проанализированы и сопоставлены романы русского и американского авторов. Характер взаимосвязи между произведениями исследуется с помощью понятия «код Достоевского».

Ключевые слова: Д. Тартт, «Щегол», Ф. М. Достоевский «Идиот», код Достоевского.

Роман «Щегол» является третьим романом американской писательницы Донны Тартт. Он был издан в 2013 году и уже через год получил престижную Пулитцеровскую премию. Роман вобрал в себя характеристики жанра романа воспитания. В основе повествования лежит история развития героя, процесс формирования его сознания и социализации. Теодор Деккер – «герой, переживающий в процессе взросления драму самопонимания. Важнейший элемент этой драмы – взаимоотношения героя с Борисом Павликовским, его русским другом» [Турышева 2020: 121]. Именно через восприятие Бориса Теодор знакомится и с русским языком, и с русской литературой, которая в свою очередь становится в романе Донны Тартт предметом метарефлексии. В разговорах героев упоминаются такие русские писатели, как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский. Однако предметом наиболее глубокой рефлексии становится в «Щегле» роман Достоевского «Идиот». Причем герои Д. Тартт не только читают этот роман, но и отождествляют себя и друг друга с его героями.

В романе американской писательницы мы встречаем целый ряд отсылок к роману Достоевского «Идиот». Эти отсылки мы будем называть «код Достоевского».

Как утверждает Н. С. Шалимова, «в романе Донны Тартт “русская тема” является важной, это прослеживается в семантике имен героев: главный герой и рассказчик – Теодор (аналог – русское имя Федор), его невеста – Китси (Китти), имя лучшего друга героя – Борис, одна из ключевых глав романа носит название “Идиот”. Связь с русской литературой прослеживается и на уровне речевой организации – в романе присутствуют русские слова и фразы, в тексте обозначенные транслитерацией. Действие романа начинается в большом городе в предрождественское время, где оказывается герой-сирота, среди художественных особенностей романа можно выделить кинематографическую монтажность приемов в изображении окружающего мира, лиминальность хронотопа, трехчастную структуру романа: отделение от привычного мира, долгий период скитаний, в которых герой, вынося лишения, сильнейшее одиночество, бесприютность, отрицая возможность гармонии, переживает просветление, внутреннее преображение, экзистенциальный переворот и становится иным, не равным себе прежнему» [Шалимова 2017: URL].

Впервые упоминание русского романа встречается в «Щегле» после первой встречи героев: Теодор вспоминает о том, что Борис был частым гостем в его доме и, чтобы не попадаться на глаза родителям Тео, он «сидел наверху <...> читал “Идиота” на русском» [Тартт 2017: 305].

В данном фрагменте процессу чтения Достоевского не уделяется особого внимания. Однако факт чтения Борисом романа Ф. М. Достоевского «Идиот» является важной характеристикой героя. Первоначально его образ складывался довольно однозначно, он представлялся нам как типичный трудный подросток, в приоритете у которого алкоголь, наркотики и нарушение закона. Тем не менее, когда читатель узнает, что герой читает «Идиота», причем читает его на русском языке, он невольно задается вопросом, почему Борис – ребенок тринадцати лет – читает не фантастику, а берется за сложный роман Ф. М. Достоевского и читает его на языке оригинала. Мы думаем, что этот факт ха-

рактирует Бориса как намного более глубокого и сложного человека по сравнению с тем, каким он предстает в начале повествования.

Следующее упоминание романа Достоевского мы находим в конце книги, когда Тео и Борис снова встречаются спустя много лет после расставания в Лас-Вегасе. Тео признается, что почти год учил разговорный русский и «писал курсовую по “Идиоту” для семинара по русской литературе» [Тартт 2017: 586].

На первый взгляд кажется, что Борис не придает значения тому, что Тео так долго помнил о его читательских интересах. Однако, безразличие Бориса к разговору о чтении Достоевского оказывается показным. Об этом свидетельствуют финальные сцены романа. Когда трудами Бориса картина Фабрициуса «Щегол» возвращена арт-копам, а бандиты заключены под стражу, он приходит к отчаявшемуся Тео, продолжающему корить себя за убийство, и сообщает, что теперь все хорошо, что и они, и картина теперь в безопасности. Тогда он и вспоминает о том, что Тео тоже прочел «Идиота».

Важно отметить то, что в рамках этой рождественской сцены Борис спасает Теодора от совершения самоубийства, хотя Донна Тартт и не акцентирует, понимает ли он намерение своего друга. Однако именно в этот момент он говорит о князе Мышкине и своем осмыслении его романной истории: «...от хороших дел не всегда бывает хорошее, а плохие дела – не всегда приносят плохое, ну да ведь? Даже самые мудрые, самые прекрасные люди не могут предусмотреть, во что выльются их поступки. Помнишь князя Мышкина в «Идиоте»? <...> Мышкин всем делал только добро... бескорыстно... ко всем относился с пониманием и сочувствием, и к чему привела вся эта его доброта? К убийствам! Катастрофам! <...> Очень мрачный смысл у этой книги. “Зачем быть хорошим?” <...> Что если и в обратную сторону все тоже – правда? <...> А вдруг иногда неверный путь – самый верный? Вдруг можно ошибиться поворотом, а придешь все равно, куда и шел? Или вот – вдруг можно иногда все сделать не так, а оно все равно выйдет как надо?» [Тартт 2017: 798].

Борис противопоставляет Теодора и главного героя романа «Идиот». Он отмечает, что князь Мышкин видел (или старался видеть) в людях и окружающем себя мире только хорошее, в то время как Тео видел вокруг только плохое. Борис специально акцентирует внимание на том, что Теодор «вечно всех осуждает, вечно жалеет о прошлом, клянет себя» [Тартт 2017: 799]. Одновременно с этим Борис отождествляет Тео с Мышкиным, так как тот, как и герой Достоевского, всегда хотел только хорошего и пытался сделать так, чтобы никому не навредить, хотя и не заботится о том, что этим вредит себе самому. Борис называет Тео идиотом вовсе не необоснованно, он проводит прямую ассоциацию между Тео и князем Мышкиным: Тео, как и главный герой романа Ф. М. Достоевского, наивный, слишком доверчивый, не понимающий, как устроена жизнь. Вполне возможно, что Тео, отождествляя себя с князем Мышкиным, перенимает некоторые особенности его поведения.

Таким образом, чтение романа Ф. М. Достоевского «Идиот» становится элементом взросления героев романа Д. Тартт. Тео сопоставляет образы героев Ф. М. Достоевского с «героями» собственной жизни. Борис же осмысляет роман Ф. М. Достоевского более глубоко, понимает его как роман о неправомерности одномерного восприятия жизни. Для него «Идиот» – это произведение, которое во многом объясняет суть жизни, доказывает, что «...все не так, каким кажется – только плохим или только хорошим» [Тартт 2017: 796]. Борис, видевший жизнь с самых разных ее сторон, настойчиво прививает это видение романа и Тео. Таким образом, доказывая главному герою необоснованность его взглядов на жизнь, Борис заставляет его наконец повзрослеть, преодолеть мировосприятие тринадцатилетнего мальчика, лишившегося матери, и, взглянув на мир трезво, начать жить настоящим, а не тонуть в прошлом, которое все равно никак не вернуть и не изменить.

Код Достоевского в романе Д. Тартт находит свое отражение не только в виде предмета рефлексии героев о романе «Идиот», но и в виде прямых аллюзий на него. Самой яркой из них является то, что одна из глав «Щегла» носит название русского романа «Идиот».

Ф. М. Достоевский и Д. Тартт изображают героев, переживших какое-то сильное потрясение, которое серьезно повлияло на их внутреннюю жизнь. Профессор бостонского университета Ю. Корриган утверждает, что «за изображением Д. Тартт раненого главного героя, пытающегося изгнать из сознания травматические воспоминания, скрывается новаторское прочтение романа Ф. М. Достоевского “Идиот”. В “Щегле” Тео как Кощей переносит свою душу на кончик иглы не только для того, чтобы сделать себя неуязвимым, но, и чтобы попытаться вытеснить ненужные воспоминания» [Corrigan 2018: URL] (перевод наш. – Е. Д.).

Аллюзией на роман Ф. М. Достоевского можно считать и образ картины Фабрициуса «Щегол». Как Тео прячет свое сокровище в хранилище без окон с укрепленными стенами, которое сам сравнивает с «погребальным комплексом Майя», так князь Мышкин находит копию картины Гольбейна «Мертвый Христос в гробу» в закрытом ставнями доме Рогожина. Как князь Мышкин проходит ка-

токомбоподобный дом Рогожина перед тем, как увидеть картину, так Теодор каждый раз совершает извилистое путешествие в «погребальный комплекс», чтобы навестить «Щегла».

В изображении травмированного сознания и Ф. М. Достоевский, и Д. Тартт сосредотачиваются на изображении того критического момента, когда герои наиболее близки к состоянию отчаяния. Ю. Корриган отмечает, что «описывая острый кризис Тео после потери картины, Д. Тартт представляет мучительное интроспективное превращение своего главного героя в манере, которая близко отражает опыт Алеши Карамазова после смерти старца Зосимы: оба главных героя впадают в кататоническое состояние отчаяния и впоследствии трансформируются, а путешествие во сне в свое сознание, где они встречаются умерших любимых, которые появляются как “гости”, воскресшие из мертвых, укрепляют их» [Corrigan 2018: URL] (перевод наш. – Е.Д.).

Таким образом, описанный нами код Достоевского в романе Д. Тартт выполняет важнейшие функции: характерологическую и семантическую. С одной стороны, он открывает перед читателем возможность более глубокого понимания характеров героев, а с другой стороны, позволяет проникнуть в философское содержание американского романа, связанное с вопросами любви, памяти, спасения, отношения к трагедии бытия. В то же время и «Щегол» оказывается способен раскрыть перед читателем новый ракурс понимания «Идиота», но только при условии внимательного и взаимосоотношенного чтения этих произведений.

Литература

Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М. : Изд-во АСТ, 2017. 827 с.

Турьшева О. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт Щегол // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 119–131.

Шалимова Н. С. Хронотоп Рождества в поэтике романов Джерома Дэвида Селинджера «Над пропастью во ржи» и Донны Тартт «Щегол» [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32559085> (дата обращения: 25.04.2019).

Corrigan Y. Donna Tartt's dostoevsky: Trauma and the Displaced Self // *Comparative Literature Volume 70*, Issue 4, 1 December 2018, Pp. 392–407 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/32939634/Donna_Tartts_Dostoevsky_Trauma_and_the_Displaced_Self (дата обращения 13.05.2019).

Davletkhanova E. S. Dostoyevskiy's code in *The Goldfinch* by Donna Tartt

The article reveals the system of references to F. M. Dostoevsky's novel *The Idiot*, which appears in the narrative of *The Goldfinch*, a novel by the American author Donna Tartt. They are the depiction of Russian characters, allusions to the work of Dostoevsky and the interpretation of his novel *The Idiot*, undertaken by the characters. The novels of Russian and American authors are analyzed and compared. The nature of the interconnection between the works is studied using the concept of "Dostoevsky's code".

Keywords: D. Tartt, *The Goldfinch*, F. M. Dostoevsky *The Idiot*, Dostoevsky's code.